

ЭДУАРД ВЕРКИН

ХРОНИКА
СТРАНЫ
МЕЧТЫ

КОШКИ ХОДЯТ
ПОПЕРЁК

Хроника Страны Мечты

Эдуард Веркин

Кошки ходят поперек

«ЭКСМО»

Веркин Э. Н.

Кошки ходят поперек / Э. Н. Веркин — «Эксмо», — (Хроника Страны Мечты)

В самом обычном городе, в самом обычном музее, на самой обычной полке хранится то, что может изменить судьбу мира. В самом обычном городе, в самой обычной школе самые обычные ребята собираются в самый обычный музей. Потому что там, на самой обычной полке, хранится самое необычное, что есть в этом мире. Там хранится самый последний дракон. Если кормить его мясом и поить кровью, из него получится убийца. Если яблоками и мюсли – вырастет друг. Но и в том и в другом случае дракон – пропуск в Страну Мечты. Которая существует на самом деле...

© Веркин Э. Н.

© Эксмо

Содержание

Не совсем пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эдуард Веркин

Кошки ходят поперёк

Не совсем пролог

Я чуть не умер. Мне было восемь лет, а я уже чуть не умер.

Мы жили тогда совсем плохо, в одном северном городе, в бараке, недалеко от угольного террикона. Зимой было холодно, а в мае пол заливала вода, и по комнате можно было запускать пароходы из газет или лодочки разные. Правда, тогда я был совсем еще мелкий, *впароходах* не смыслил, зато очень хотел крокодила. Отец тогда как раз купил цветной телевизор, и я посмотрел тот самый мультик, после чего очень захотел крокодила. У парня из другого конца барака был, бабушка привезла ему из Болгарии.

А я страдал от бескрокодилья, мучился и мучился.

Но раздобыть рептилию нигде не удавалось – отец сказал, что их вроде как сняли давно с производства, но потом тетя Люба, знакомая матери, нам его принесла.

Крокодил был не новый, подержанный, но в хорошем состоянии. Сделан в далеком 1984 году из толстой зеленой пластмассы, руки-ноги-голова-хвост и даже глаза вертелись в разные стороны. Почему-то рукав на правой лапе был ярко-морковного цвета, этакая красная рука, тогда как левый рукав бело-розовым. Может, крокодил лежал на солнце, а может, еще что-то там с ним произошло, и он выцвел.

Глаза крокодил имел большие и желтые, если хорошенько нажать на живот, эти глаза выскакивали и катились под диван.

Шляпы не было, видимо, она потерялась раньше, вместе с гармошкой – о былом наличии этих предметов свидетельствовали дырки на крокодильих ладонях и крокодилем темечке. Я зачем-то вставлял в дырки спички, они проваливались и гремели в пластиковом нутре, звук получался смешной, шепотливый какой-то.

Крокодил очень скоро оказался забит спичками под завязку.

А шляпу мать потом сшила из кожаных лоскутков, вырезанных из старых ботинок. В результате этой операции ящер приобрел гангстерский вид, автомата Томпсона под мышкой только не хватало.

Крокодил был велик. Я так любил его, что решился на святотатство – накалил гвоздь и выплавил сзади как раз под воротником свое имя.

Женя Кокосов.

Чтобы никто не украл.

Велик был крокодил. Теперь таких не достать, теперь все крокодилы какие-то ненастоящие, со слашавым китайским прищуром. Как уже говорилось, я был в восторге и спал с крокодилом в обнимку, хотя он был достаточно жестким и почему-то пах марганцовкой.

Потом я узнал, почему он пах марганцовкой.

Тетя Люба шла по улице и увидела старушку. Старушка продавала игрушки – кубики, машинки, разное, короче. Игрушки были старые, поигранные, и крокодил в том числе. Старушка сказала, что недавно закрыли детское отделение при женской тюрьме, детей распределили по другим местам, а игрушки раздали бывшим сотрудникам. Старушка там нянечкой работала, ее собственные внуки уже выросли, а выбрасывать было жалко. Старушка помыла игрушки в дезрастворе и стала продавать.

Так тетя Люба купила мне крокодила.

Эта история меня потрясла. Я весьма смутно представлял, что такое тюрьма, в основном по мультикам и кинофильмам. И уж никак я не мог представить, что в тюрьме зачем-то содер-

жат еще и маленьких детей. Я представил, как они лежат в зарешеченных люльках и играют в зарешеченных манежах. Это было тяжело, даже представлять тяжело. Потом я подумал, что моим крокодилом тоже играл какой-нибудь маленький узник, и от этого делалось еще невыносимее. Я шарахался от крокодила, наверное, неделю, я боялся его. А потом полюбил еще сильнее. У него была своя история, и от этого он мне казался чуть ли не живым, что ли.

Как-то раз, мы тогда жили уже не на Севере и вообще жили гораздо лучше, чем раньше, мать собирала игрушки для детей из детского дома. Она до сих пор чего-то собирает, чаще всего письменные принадлежности, старую одежду, старые книжки – в помощь неимущим ребятам. Ну, вот игрушки тоже. Я хотел отдать старые машинки и уже собрал их целую коробку, но отец посмотрел на все это и сказал, что надо добавить крокодила.

Я злился, наверное, два дня. Но отец сказал.

Когда-то тебе достался крокодил. Ты жил с ним несколько лет, засыпал с ним, играл с ним. А у других детей этого не было. И сейчас нет. У них вообще ничего нет, они очень тупо живут, безрадостно, не будь задницей.

Я снова представил. Только теперь маленьких детей, которые спят в одинаковых постелях с одинаковыми одеялами, на обед едят макароны с таким, а игрушек у них совсем не имеется, – и крокодила отдал.

Потому что это было правильно.

Только мне не хотелось, чтобы мой крокодил лежал вместе с остальными подарками, в скучных коробках из-под телевизоров. Эти коробки хранились у нас в гараже. В японских телевизорах хранились растрепанные книжки, в немецких – старые курточки и штаны, в корейских – игрушки. В большинстве своем мягкие – щедрый дар одной фирмы из соседней области. Впрочем, были и нормальные: в одной коробке я обнаружил электрический конструктор, в другой автомобильчик на дистанционном управлении, правда, без левого переднего колеса. Все коробки были забиты под завязку, но с помощью чудес перекладывания и вталкивания я выкроил место для своего крокодила. Я отыскал хорошую коробку от кроссовок, набил ее мятой бумагой, поместил крокодила туда и собственноручно погрузил в угол, между нелепым синим львом и стопкой сдутых футбольных мячей со следами бутс.

Спал в ту ночь я плохо. Мне все время казалось, что ему как-то нехорошо рядом с футбольными мячами, я все хотел спуститься в гараж и проверить, но начался дождь, и выходить на улицу мне не захотелось. А когда я побежал туда утром, оказалось, что коробки уже увезли.

Это меня очень неприятно удивило, можно сказать, разочаровало в жизни. Нет, я уже распростился со своим крокодилом, но мне хотелось посмотреть на него в последний раз, а оказалось, что это невозможно.

Коробки увезли.

Я тупо бродил по гаражу, искал чего-то, перебирал какие-то свечи зажигания и фильтры в блестящих упаковках, потом увидел книжку. Вернее, даже не книжку, а ее часть. Страницы с семнадцатой по пятьдесят третью. Ни обложки, ни названия, ни автора, вообще ничего. Бумага плохая, буквы косоватые, но не самодельная, самопал всегда видно. Скорее всего она вывалилась из коробки с японскими телевизорами. Я был тогда так расстроен, что уселся на крышечку и принялся читать, хотя раньше ничего почти не читал, даже сказки. В моем классе многие уже читали всякую там литературу, а я тогда не читал совсем. А эту вот книжку я вдруг стал читать, начала не было, а я стал читать. Сидел в крышечке и читал.

В книжке рассказывалось про одну девчонку, которая очутилась в какой-то невиданной стране. В этой стране вроде как осуществлялись все желания, даже не самые причудливые. Над мозгами там никто не стоял, а хулиганам можно было легко навесить. Хорошо, короче, было и привольно. Там были еще разные приключения и опасности, все стреляли и на конях скакали, мне понравилось, а на сорок восьмой странице указывалось три способа, с помощью которых можно было бы попасть в эту самую страну. Мне понравился второй. Меня все это

так захватило, что я читал до вечера, а к утру с помощью некоторых химических препаратов изготовил смесь...

Короче, все очень сильно взорвалось.

С тех пор я стал гораздо, гораздо умнее.

А вообще, конечно, это история про лю, если кто еще знает, что это такое.

Глава 1

День Дурака

Кокосов Евгений Валентинович, четырнадцать лет, учащаяся молодежь, рост 165, вес пятьдесят два кэгэ, это я, собственной персоной, эсквайр.

Наш дом на улице Маслобойникова, это на самой окраине, а раньше вообще было за городской чертой, дальше только трамвайная линия. А сейчас уже в черте. Но район престижный. Три километра от почтового отделения, восемьсот километров от Москвы, мать хотела жить в Москве, ходить в театр. Или в консерваторию, моя мать любит романсы. Про весну, неповторимую и давно позабытую, которая прошла и не воротится никогда. Короче, морковь последняя чиста, а мир починит красота, это хорошо идет под ананасы в сиропе.

Кстати, о весне.

Настоящая весна начинается первого апреля, в День дурака. В это можно не верить, но это действительно так. Первого апреля, именно. Все, что до, это еще зима, а с первого апреля уже как надо. Грачи прилетели.

Первого апреля, в День дурака, я наблюдал за последней сосулькой. Сосулька растянулась почти на метр, стала похожа на копье, потом оборвалась, хлопнулась о черепицу гаража и разлетелась на прозрачные кругляшки. Я выбрался на улицу и обнаружил, что кругляшки исчезли, испарились под солнцем. Это была последняя сосулька. Сосулек уже давно нигде не висело, почти месяц, а тут вот, объявилась.

Весна, типа, пришла. Что-то рано в этом году. И зимы толком не было, и весна раньше чуть ли не на месяц разгулялась. Погода самая теплая за последние сто пятьдесят восемь лет, уже в середине марта полезла мать-и-мачеха, а в конце месяца так и трава даже.

Но это не радовало. Не люблю весну, гнусное время. Как ни крути, а весной начинаешь чего-то ждать. Это оттого, что все вокруг тоже чего-то ждут. Загарного солнца, мороженой клюквы, подснежников, наступления рыболовного сезона, кто как. Все ждут – и ты ждешь. Ждешь-ждешь, а ничего не происходит. Весна – лживая девчонка, каждый год водит тебя за нос.

Поэтому я весну и не люблю. Если раннюю весну еще как-то можно терпеть, то весна повсеместно зеленая – это сплошное затяжное уныние. Поэтому, когда хлопнулась сосулька, я загрустил. День не задался.

Я отдыхал в шезлонге на веранде, поставил на рэндом флэшник, слушал по кругу песню про странные происшествия на мексиканской границе и про призрачный отель, в который раз въедешь, а потом уже и не выедешь. Сколько ни старайся. В духе С. Кинга песенка, жутковатая. Как раз для весеннего настроения.

Я прослушал песенку уже три раза, как на веранде соседнего дома появился соседский мальчишка. Малолетний хулиган и брутал Алик Окинин по прозвищу Окиша. Окиша был совсем еще юн, ходил в третий класс, но уже сейчас ему прочили большое будущее гопниковского короля. Окиша вредил всему живому, находившемуся в границах его гнусной досягаемости.

Сейчас в пределах его досягаемости находился я. Окиша вытащил на балкон большое овальное зеркало и принялся пускать в меня зайчиков. Сначала я терпел, поскольку прекрасно знал, что у Окиши пока еще нет главного качества подлинного хулигана – терпения. Знал, что, если не подавать виду, Окише быстро надоест хулиганствовать, и он отправится мучить своего толстого сибирского кота, кастрата и такого же человеконенавистника, как сам Окиша.

Окише и в самом деле быстро надоело пускать обычных зайчиков. Он удалился, а через минуту появился с приспособлением. Я подивился зверской Окишиной изобретательности.

Окиша поставил перед зеркалом вращающийся круг с дырками, запустил его, и солнечные зайчики теперь пулялись в меня с раздражающим мельтешением.

Это было тяжело, я скрипел от ярости. Перед глазами плясали бешеные солнечные пятна, но я был все-таки непробиваем. Могуч был я.

Тогда Окиша пустил в ход тяжелую артиллерию. Он оставил свою солнечную активность, остановил круг и унес зеркало. Зато принес виолончель.

Виолончели я вынести не мог. Вообще Окиша играл довольно неплохо, так как занимался в музыкальной школе и даже входил в состав подросткового струнного квартета. Но сейчас Окиша играл нарочно скверно. Даже не играл – пилил смычком по струнам, рождая безумные дребезжащие звуки, от которых у меня начинала чесаться голова и здорово ныли руки.

Я не выдержал и скрылся в доме. Под торжествующий смех Окиши. Впрочем, я не собирался сдаваться. Я даже собирался отомстить за испохабленное начало дня. Быстро сбегал за пейнтбольным ружьем старого, вышел с другой стороны коттеджа, прокрался с пластиковой лестницей вдоль забора, вскарабкался наверх.

Окиша настырно терзал инструмент. Повернувшись ко мне худой хулиганской спиной, весь во власти деструктивного вдохновения.

– Эй, Ростропович! – позвал я.

Окиша перестал пилить и боязливо съежился, выставив в небо острые лопатки. Я прицелился и выпустил в эти вражеские лопатки длинную сладостную очередь.

Желатиновые шарики с хлопаньем разбивались о спину Окиши, оставляя на ней большие разноцветные кляксы. При каждом попадании Окиша вздрагивал и втягивал в плечи голову. Я кровожадно улыбался.

Шарики кончились, ружье плюнулось воздухом, я опустил оружие.

Окиша встал, осторожно, даже бережно прислонил виолончель к стулу, потом разразился диким болезненным ревом. Побежал в дом.

– Музыка, – сказал я сам себе. – Парю, парю, как сладостно, однако, крапива...

После чего снова устроился в кресле. Насладиться тишиной, насладиться прохладой.

Через минуту на веранде соседского дома появился отец Окиши. Я продолжал нагло сидеть в шезлонге. Отец Окиши был в прямом подчинении у старого, и я прекрасно понимал, что ругать меня не будут. В соответствии с неписаной корпоративной этикой.

Окинин-олд поднял виолончель, внимательно ее осмотрел, буркнул что-то неприветливое и удалился к себе.

Я оставался в шезлонге.

В три часа с работы вернулся старый.

Старый разогрел в микроволновке дрянбургер и, вгрызаясь зубами в холестерольную котлету, рассказал о происшествии, имевшем место сегодня у них в аэропорту. Ровно в половине первого над летным полем зависли летающие блюдца, числом три штуки. Блюдца совершили противозенитный маневр, отстрелялись тепловыми ракетами и приземлились прямо перед зданием аэровокзала с приветственными сигнальными огнями.

Я слушал, отвалив челюсть, а когда старый принялся рассказывать, как по трапу принялись сходить инопланетяне, ликом зеленые, но в цилиндрах и смокингх, я засомневался. А как дошло дело до потчевания зеленых хлебом-солью, так я засомневался еще сильнее.

Тут-то старый рассмеялся и сказал, что сегодня первое апреля, а первого апреля просто необходимо кого-нибудь обмануть.

Пусть даже родного сына.

Иначе не будет удачи. Я согласно покивал и сказал, что удачи и так нет, весна тупо ранняя, озимые померзнут, не взойдет зябь, случится голод. К тому же не далее как вчера учредительный совет Лицея поднял плату за обучение в пять с половиной раз, причем вносить ее

надо не постепенно и безналом, а сразу и кэшем, а кто не внесет плату, тот будет незамедлительно отчислен как собака...

Старый вскочил и завопил, что в договоре предусматривается повышение платы не более чем на двенадцать процентов в год, что он затаскает учредительный совет по судам, что в стране все-таки остались законы, а он законы хорошо знает...

Я рассмеялся и сказал, что сегодня первое апреля, а первого апреля просто необходимо кого-нибудь обмануть.

Пусть хоть родного отца.

Иначе удачи не будет.

Старый промолчал. Сжал дрянбургер, наружу выскочил салат, кружок помидора, маринованный лук, корнишоны, соус капнул.

Мощная кисть, ничего не скажешь.

– Чего, по-нормальному нельзя? – Старый сбросил бутербродную кашу в урну. – Нельзя без борзот?

– Без каких борзот-то? – сказал я.

Мне совсем не хотелось ругаться сегодня, сегодня и так был трудный день.

– Ты не ходил на учебу... – Старый стал припоминать.

Я обмакнул палец в соус и стал рисовать на столе букву «Г».

– Ты не ходил на учебу две недели, – закончил отец. – А, между прочим, я за нее плачу...

Ну вот, опять началось. Я плачу за твою учебу, в твои годы твой дед командовал эскадрилей... И между прочим, я проболел вовсе не две недели, а гораздо меньше, двенадцать дней. И при всем при том я не какая-то глупая сволочь, я знаю, чего хочу от жизни.

Я хочу стать летчиком.

Это не романтика, не киношная глупость, это династия. Мой дед был летчиком, во время войны гонял на «Ил-2», летающем танке. Отец хотел стать летчиком, но зрение подвело, и он стал юристом. Но работал все равно в летчицкой отрасли – в частной авиакомпании «Джет-авиа».

К тому же летчики неплохо получают. Особенно если куда-нибудь в Бруней устроиться, к шейхам. Там даже машину летчикам бесплатно выдают.

– Я же по уважительной причине не ходил, – сказал я. – У меня вегетососудистая дистония. Возрастная.

Это было вранье.

– Завалишь экзамены – просить не пойду. – Старый с демонстративным лицом принялся мыть руки. – Можешь даже не рассчитывать. Дядя Сеня, тот который в Москве, мог бы взять тебя в свою фирму на практику. Учился бы и работал одновременно. А потом он бы тебя пристроил в академию. Тебе надо думать о будущем.

– А я думаю о будущем, – сказал я. – Все время думаю. И уже договорился с Носовым...

– На визажистов учиться, что ли, пойдете? – с презрением спросил старый.

– Да нет. В конно-балетную академию двинем, у Носова там кузен работает. Старшим коннобалетчиком...

Люблю позлить старого. Когда старый злится, он похож на человека.

– Коннобалетчиком, говоришь...

Старый хотел сказать еще что-то, скорее всего, непристойность какую, но плюнул и ушел к себе наверх. Сначала лупил по груше, затем обрушился на диван и врубил своих дебильных «Бомбардировщиков». Старый, а такую плесень слушает. Да ладно...

Я тоже плюнул и ушел в трубу, вставил в уши американские беруши, стал читать «Краткую историю времени»¹, а между чтением все думал, как собака. Думал, что весна начинается просто изумительно, впрочем, как и любая весна, весной может случиться разное.

Хотя, если честно, предчувствий у меня никаких не было, ни плохих, ни хороших.

¹ Книга американского астронома С. Хокинга.

Глава 2

Стратегия вечера

Этим же вечером я отправился в кафе «Бериезка» и встретил там Исидора Шнобеля, в миру Игоря Носова, Шнобелем называл его я. Селфмэйдмана, человека, помешанного на общем продвиге, всевозможном кутюре, прет-а-порте и дизайне одежды. Встреча наша была запланирована еще два дня назад, но при встрече Шнобель и я приняли случайный вид.

Короче, приятели дружески удивились, устроились за столиком в центре зала и заказали шоколад, сок и газировку.

Стали отдыхать, как собаки.

Я отдыхал спокойно. Цедил клюквенный сок с колотым льдом, пил кипящий в специальных стаканах мятный чай, пробовал бразильский мате в деревянных шарах, тут их неправильно называли колбасами. Мате разлагал в сосудах холестерол, но по вкусу был похож на вареные лапти, понятно, почему в Бразилии кризис. Но мате – это руль и дрожало, у нас все его пьют. Мате, мохито, буррито, только это делает человека человеком, блин, меня блевать тянет от «Бентли»...

Формат.

Шнобель отдыхал активно. Разглядывал девушек, пулялся в них скатанными из шоколада шариками, показывал язык и вообще веселился. Привлекал внимание. Девушек было много разных, было к чему привязаться. Шнобель и не терялся. Меня это немного раздражало, но делать было нечего, такова была стратегия вечера.

Через час развлечений мы начали продвигать наш план. Шнобель наметил жертву. С оригинальностями в прическе. Он дождался, пока красавица с гиперкосичками потрясется мимо, поморщился, помахал перед носом рукой, послал вслед:

– Волоса-то и мыть иногда надо, евдолдоста безглазая!

Девушка обернулась и несколькими скупыми, но точными жестами послала Шнобеля куда-то в район засилья беспощадной русской народной фольклористики.

– Что за хамье тут все время толчется, – громко и сокрушенно сказал Шнобель. – Приличному человеку посидеть даже несподручно, обязательно облают. Мадагаскар какой-то, тьма, скажи, Кокос?

– Ну да, – притворно зевнул я, – ну да...

– Только хотел к сути процесса перейти, как все мысли сбила... Такие косы во всем мире уже сто лет не носят, с тех пор как Боб Марли² отвинтился... Село!

Девушка, которая удалилась уже достаточно далеко, про село услышала, обернулась и сказала в ответ:

– Сам село!

– Какие у нас локаторы! Может, обрезалку подарить?

– Баклан безносый, – ответила девушка.

Не в формате, года в полтора с отставанием. Шнобель исчерпал велизвучные аргументы и просто показал девушке язык. Та ответила ему несимметрично, поскольку язык у нее был пробит в трех местах серебряными булавками.

Шнобель в сердцах плюнул на пол и сказал уже тихо:

– Ладно, значит, так, значит, вот, вчера недорассказал. Тогда он взял Дрона за душу и...

– Как взял?

² Исполнитель музыки в стиле регги.

– Да вот так, двумя пальцами, как щенка за гланды. Взял двумя пальцами и зашвырнул в тренерскую. Знаешь, какие у него пальцы? Железные. Он на них стоять может.

– На пальцах?

– Угу. Как монахи в Шаолине. Ты знаешь, как в Шаолине экзамен проходит?

– Не...

– Слушай же, иван. Каждый монах должен простоять на двух пальцах от рассвета до заката. И все это время его бьют по почкам нунчаками, а на темечко льют уксус, смешанный с муравьиным спиртом. Только простояв целый день на пальцах, шаолинец считается настоящим воином, так вот... Автол взял Дрона, затащил в тренерскую и привязал к раскладушке ремнями из воловьей кожи. Кстати, у меня из воловьей кожи есть классный куртак...

– К какой раскладушке, там же нет никакой раскладушки?

– Ну, не к раскладушке, к этой, лежанке. Видел, наверное, там в углу такая стоит. На ней баскеты обычно пылятся...

– Ну, видел. А дальше что?

– Что, что, снял с Дрона кеды, взял чертягу и отлупил его по пяткам. По пяткам, иван, знаешь как больно!

Шнобель поежился. Будто это не Дрона отлупили по пяткам, а его.

– Отлупил так, что потом Дрон два дня на цыпочках бегал... Смешно.

Шнобель поглядел в чашку. Шоколада больше не было.

– Что тут за обычаи такие? – поморщился он. – Как в... не знаю где. Шоколада от них не дождеся, блин...

Шнобель очень любил шоколад. И, невзирая на угрозу прыщей, поглощал его в значительных количествах. Причем во всех видах. В виде шоколадных хлопьев, в виде шоколадного молока, шоколадных батончиков, шоколада из морозилки, шоколада горячего. Шнобелю даже фляжку специальную подарили на день рождения, для шоколада и для какао, чтобы всегда иметь при себе запас того или другого. Фляжка была плоская, с большой звездой на боку, в правом верхнем углу выгравирована надпись:

«Дорогому другу Игорю Носову от соратников и товарищей по Лицею им. М.Е. Салтыкова-Щедрина».

Шнобель фляжку любил не меньше шоколада и всегда таскал с собой, во внутреннем пиджачном кармане, над сердцем. Когда его спрашивали, зачем он это делает, Шнобель отвечал, что на всякий случай. Вдруг шальная пуля? А у него в кармане фляжка.

Я к шоколаду был холоден, равнодушен, как готтентот к шелковым трусам, но часто слышал, что он стимулирует деятельность мозговых клеток. Если съесть в день фунт шоколада, то мозги будут работать в полтора раза быстрее – так говорил Илларион Водяника, чемпион мира по «Мозговой Атаке», а «Мозговую Атаку» я глядел регулярно. И Водянике доверял. Водяника выглядел умно, и у него совсем не было прыщей.

А еще я слышал, что шоколад способствует выработыванию гормона радости. И если есть каждый день много шоколада, то будешь счастлив.

Всегда, во всяком случае, регулярно счастлив.

Поэтому я против шоколада ничего не имел, хотя и был к нему равнодушен. К тому же в «Бериозке», развлекательном центре, в котором я и Шнобель висели в тот вечер, все остальные напитки были либо из категории «после 21 года», либо употреблять их было вообще невозможно. Без риска для жизни.

Безалкогольный коктейль «Чапаев» пах конским потом.

Безалкогольный коктейль «Гоа» пах гигиенически сомнительной фейхоа.

Фирменный безалкогольный коктейль «Дрова» пах дровами.

– Дрон на цыпочках бегал, – повторил Шнобель. – Как придурок какой-то.

– Подсечка, – сказал я. – Это называется подсечка. Берут додика, разрезают ему пятки, а в пятки сыплют мелко рубленную щетину. И заматывают скотчем. Пятки зарастают – и все. Так в Орде с пленными всегда делали.

– В какой Орде? – не понял Шнобель.

– В Золотой.

– Зачем?

– На цыпочках далеко не убежишь. А с щетиной в пятках только на цыпочках можно...

– А Дрон и не хотел никуда убегать, – сказал Шнобель. – У него шнурки на кедах не развязывались, и все. Разве можно бить человека, если у него не развязываются шнурки?

Я пожал плечами. У него имелась несколько другая версия истории с Дроном. По этой версии все было несколько не так. Дрон назвал Автола бараном. Причем при свидетелях. За оскорбление педагога наказание было только одно – исключение. И Дрон, почуяв, что серьезно попал, предложил Автолу решить все полюбовно. Автол выбрал линейкой по пяткам.

– Совсем Автол оборзел, – заключил Шнобель. – Надо что-то предпринять...

Он нервно крошил в пустую чашку сухарики. Вообще-то мы давно уже договорились что-то предпринять, а сейчас просто в очередной раз обсуждали давно задуманное, накручивали себя, чтобы не врезать задний ход.

– Надо что-то, иван, предпринять... – повторил Шнобель. – Ты же знаешь, что мы зачеты по физре не сдадим. А если не сдадим зачеты, то не будем допущены к экзаменам...

А если не сдадим экзамены, подумал я, то останемся на лето. На все долгое прекрасное лето. Будем тренироваться каждый день, как собаки. А осенью снова зачеты, и снова экзамены. А если завалишь экзамен еще и осенью, то все. Горох. Крапива. Тунгусский метеорит в затылок.

EXIT.

– А мы эти зачеты точно не сдадим, – закончил Шнобель. – Не сдадим.

Я был с этим согласен. Отчасти. А от другой части мне плевать было, а Автол вот только бесил, это да.

– Не знаю, как ты, Кокос, а я здесь, лично, все лето париться не собираюсь, – угрюмо сказал Шнобель. – Мои в Испанию собираются, меня здесь не прикалывает загорать...

– Меня тоже...

– Значит, надо действовать. По намеченному плану.

– Может, все-таки не будем? – шепотом спросил я. – Пойдем, типа, другим путем?

– Выхода нет, – вздохнул Шнобель. – И пути другого нет. Если бы можно было...

– А если через старых надавить? – предложил я. – Твой батрак не последний чел в городе, к нему прислушиваются...

– Да этот Автол ни к кому не прислушивается, он сам себе фишка. Помнишь Гольцова из восьмого?

– Ну, помню, кажется...

– А знаешь, где сейчас Гольцов?

Я пожал плечами.

– В техане сейчас Гольцов, – сказал Шнобель. – Учится на самоварщика широкого профиля. Автол сказал – мальчики должны подтягиваться восемь раз. А Гольцов всего пять подтягивается. А у Гольцова брат боксер, вот и говорит брат Гольцова самому Гольцову: давай я с Автолом поговорю в режиме спарринга. Этот дурик и согласился. Пошли они к Автолу, подождали, пока он из здания выйдет. Ну, брат-боксер плечи расправил, вышел весь такой перекатывающийся...

Шнобель изобразил брата Гольцова и его походку. Потом еще изобразил. Девушка с косичками прошла мимо нашего столика в очередной раз.

– Запала на меня, – шепнул мне Шнобель. – Эй, кочерга! Ты чего тут рычагами бликуешь? У меня уже в башке завихрения!

– Сам село, – ответила девушка, и Шнобель немедленно в ней разочаровался.

– В помойном бизнесе женскому шовинизму не место! – выдал он.

Девушка ответила неприличным жестом.

– Что за дура, – вздохнул он. – Какое всеобщее оскудение...

– Ты отвлекся от Гольцова, – сказал я. – Они поговорили?

– Можно так сказать. Брата Гольцова сразу на «Скорой помощи» увезли, а Гольцов сам сумел до дому добраться. Пешим строем. Теперь Гольцов самоварщик, а брат его больше боксом не занимается.

– А если баблоидов Автолу подкинуть? – предложил я. – Поговори со своим...

– Мой старпер жадный как китаец, – вздохнул Шнобель. – На взятку он денег не даст. Да и не берет Автол, он принципиальный.

– И не бедный, – добавил я.

– Это точно, – кивнул Шнобель и крикнул пробегающей официантке: – Эй, девушка, у нас весь шоколад остыл и вообще кончился, принесите!

Шнобель потряс своей фляжкой.

– Наполнить свежим какао! – повторил Шнобель. – Налить швейцарским молоком. Матка, быстро, быстро!

– И рому накапайте, – добавил я.

– Малы еще, – ответила официантка. – Кто вас вообще пустил? Вам же лет по двенадцать от силы! А детское кафе в шесть закрывается! Сейчас охрану позову...

– Спокойно, девушка. – Шнобель как бы невзначай высунул из кармана столик. – Мы с делегацией.

– С какой еще делегацией?

– Сопровождаем группу аборигенов с Тасмании. Они сейчас пляшут.

И Шнобель кивнул в сторону танцпола.

Официантка поглядела в указанном направлении. Большинство танцующих и в самом деле так или иначе были похожи на аборигенов. Во всяком случае, так казалось.

– И что тут эти... из Танзании делают? – спросила она.

– Изучают сумчатого бурундука, – сказал Шнобель. – Это редкость. Кстати, многие делегаты не женаты. А вы знаете, какой уровень жизни на Тасмании?

Тасманийский уровень жизни, неженатые аборигены и сумчатый бурундук-редкость стали последней каплей. Официантка приблизилась к столику и стала собирать чашки, коих я и Шнобель осушили уже немало.

– Возьмите. – Шнобель протянул девушке купюру. – За чай...

Официантка спрятала ее в кармашек.

– А это вам за беспокойство. – Шнобель добавил еще один столик.

Официантка засомневалась.

– Тасмания вас не забудет, – сказал Шнобель. – Внесите свой посильный вклад в науку, сумчатый бурундук на грани вымирания.

Официантка удалилась.

– Ну, что, иван, – сказал Шнобель, – пора и начинать.

– Ты уверен?

– Вполне. Только как договаривались – по морде не бить. И с ноги тоже.

Я кивнул.

– Драку заказывали? – Шнобель подтянул к себе стакан с апельсиновым соком и плеснул его мне в лицо.

Я прыгнул через стол, вцепился в Шнобеля, и мы покатались по полу.

Вокруг нас тут же собралась небольшая толпа, ребята смеялись, а девочки повизгивали, особенно когда я и Шнобель натыкались на них или опрокидывали стулья. Музыка играла.

Впрочем, схватка продолжалась недолго. Появился Захар. Захар был секьюрити, проще говоря, вышибала. Бывшая гроза Заречного района, вставший на путь добра и миролюбия. Он легко подхватил нас со Шнобелем с пола и зашвырнул в туалет. Сказав, что если собираемся драться дальше, то можем драться там. Но если разобьем хоть одну плитку кафеля, то он персонально замурует нас между писсуарами.

Еще живьем.

– Кажется, сработало, – сказал я.

– Конечно, сработало, – ухмыльнулся Шнобель. – Мой план гениален. Переходим ко второй части.

Шнобель снял куртку, вывернул ее наизнанку. Куртка из красной превратилась в черную.

– И это вся маскировка? – насмешливо спросил я.

– Главное в маскировке – замыливание глаза.

– Чего замыливание?

– Глаза.

Шнобель показал пальцем на глаз.

– Сейчас я тебе покажу, что такое замыливание.

Он достал кепку, обстучал ее о колено и напялил на голову.

– Как?

Я усмехнулся. Кепка абсолютно не шла хлыщеватому Шнобелю. В кепке он был похож то ли на мелкого жулика, то ли на продавца вечных мочалок для посуды.

Хотя...

– Так ты похож на режиссера Тарковского, – сказал я. – Немного...

– Да? – с долей удовольствия спросил Шнобель и снова посмотрелся в зеркало. – Это плохо...

Он снял кепку и жесточайше помял ее. Снова надел.

– Теперь порядок, – оценил я. – Теперь не Тарковский, теперь обычная скотина...

Я подумал, что Шнобеля я недооценил. Его способности к маскировке недооценил. Узнать его в помятой кепке было просто невозможно.

– Теперь поработаем над тобой, иван. – Шнобель отошел на шаг, окинул меня придирчивым взглядом.

– Тоже куртку выворачивать? – поморщился я.

– Выворачивай, выворачивай, не переломишься. Художники душу выворачивают, и ничего, не жужжат...

Я пожал плечами и послушно вывернул куртку. Клетчатой стороной наружу.

– Нормально, – похвалил Шнобель. – Шотландская дурчага. Жалко, килта нету...

– Не глупо?

– Слушай меня, иван, я в моде секуч, – сказал Шнобель, – по фэшн-сайтам регулярно юзаю.

– Нафиг?

– Дизайнером стать хочу, – объяснил Шнобель.

– Типа Лагерлеф?

– Не Лагерлеф, а Лагерфельд, во-первых. И не кутюрье, а дизайнером. Ты не поймешь. И батый мой не понимает. Хочет меня в нефтяной институт отправить, зараза... На вот, нацепи.

Шнобель вытащил из кармана бандану с черепами и крестами, намочил ее водой и повязал на голову мне.

– Теперь последний аксессуар. – Шнобель вытащил из кармана ковбойский галстук в виде здоровенной и тяжелой бычьей головы. – Бычатка...

Нацепил бычатку на мою шею.

Я посмотрел в зеркало. В вывернутой куртке, в бандане и с бычьей головой я имел вид абсолютно дикий. И ничуть на себя не похожий. У Шнобеля и на самом деле имелся явный дизайнерский талант.

– Порядок, – удовлетворился Шнобель. – Теперь вряд ли узнают... Уходим. Хотя...

Шнобель принялся глядеть в зеркало. Придирчиво так, наметанным глазом. Спросил:

– Слушай, Кокос, погляди, мне кажется, со мной что-то не так...

Это у него фоб такой. Заскок, закидон. Шнобелю постоянно кажется, что с ним что-то не так. В смысле внешности. И он всех спрашивает, все ли с ним в порядке со спины.

– Может быть, все-таки что-то не так?

Некоторых достает, а я вот привык.

– Что-то не так... – Шнобель вертелся перед зеркалом и так и сяк, стараясь уличить нетакость.

– Да все с тобой в порядке, Нос, – успокоил я. – Красив, поджар, в глазах железо. Идем.

– Да, надо идти... – согласился Шнобель, – надо... И морду такую сделай... зверскую.

Я сделал зверскую морду, и мы двинули в сторону выхода.

И нас действительно никто не узнал. Даже эта, с косичками.

На улице было холодно и сухо, весной случаются такие дни, в апреле особенно.

Мы выкатились из «Бериозки» и направились к девятиэтажному дому по улице Высоковольной, где во втором подъезде хранились прикованные к батарее велосипеды. Освободив технику от цепей, мы покрутили в сторону местечка Кубланы, где в реликтовой сосновой роще располагался Лицей им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В котором мы имели счастье обучаться.

Путь был нелегок. Хитрый Шнобель припас для себя хайтековский велик с кучей передач и дисковыми тормозами, мне же выделил допотопный грыжеватый «Орленок».

– У тебя же три велика, – недовольно сказал я. – Неужели нормальный не мог взять?

– Это не просто велик, иван, – объяснил Шнобель. – Это еще и средство обороны. В случае чего ты сможешь бросить его в противника. Когда в тебя попадает велосипед – это больно, и сразу вскочат синяки.

Я ничуть в этом не сомневался. Но метательные достоинства, скрытые в бледно-зеленом «Орленке», не добавляли ему достоинств скоростных. Поэтому крутить педали мне было невесело, я даже почти сразу вспотел.

Еще больше вспотел я через километр, когда Шнобель свернул для конспирации на лесную тропу и толковая дорога практически исчезла. Давить на педали приходилось шибче, к тому же еще приходилось объезжать полупроснувшихся лягушек, это утомляло.

По лесной тропе мы пробирались почти час. Шнобель ругался, сверялся с GPS-модулем, отмахивался кепкой от комаров, два раза бросал велосипед и бежал собирать ландыши. Я немножечко злился, ландыши пахли горько, от этого шекоталось в носу.

Через час петляний по реликтовой роще между деревьями забелел забор. Забор был мощный, капитальный, мы закинули на него лесенку и легко перебрались на территорию Лицея.

– Ну что? – Шнобель подмигнул сразу обоими глазами. – Ты чувствуешь трепет свершений, иван?

– Рожу жжет, – ответил я.

– Рожа вторична. Где машина?

– Он ее за углом ставит обычно...

– Ну так идем.

Шнобель короткой перебежкой перебежал до стены здания, я за ним. Прокрались до угла. Выглянули. И тут же спрятались обратно.

– Почему свет? – спросил я. – В химическом кабинете свет горит, с какой это радости?

Шнобель снова высунулся из-за угла. Смотрел почти минуту.

– Там, кажется, кто-то есть... – сказал я.

– А, это новенькая...

– Какая новенькая?

– Такая, обычная. Кожаная куртка дешевая, дурацкая, на базаре скорее всего купили, джинсы слегка расклешенные, но не стрейч, ремень...

Я ткнул Шнобеля локтем.

– Ладно, ладно. Ты же болел. А пока ты болел, она пришла. Ничего интересного, на мой взгляд, обычная метелка с грязными волосами...

– Что она тут делает?

– Полы, наверное, метет.

Я поглядел на Шнобеля с недоумением:

– Полы?!

– Угу.

– Зачем? – не понимал я.

– Зачем, зачем, чтобы чистые были...

– Но уборщица же есть!!!

Я был удивлен вроде как. Чтобы лицеисты мыли полы! Куда все катится? Во крапива...

– Может, у нее заброс такой просто, – сказал Шнобель. – Знаешь, дети американских миллионеров тоже газоны там всякие стригут, за детьми-дебилами присматривают. Это, типа... так принято, короче. Правильное воспитание называется.

– У нее что, папа американский миллионер?

– У нее... потом расскажу. Давай лучше к тачке двигать, поздно уже.

– А эта новенькая, – я кивнул в сторону химического кабинета, – нас не увидит?

– Физику надо учить, бонифаций, – насмешливо сказал Шнобель. – Свет горит в помещении. Эффект Доплера. Мы ее видим, она нас нет. Все просто. Давай, иди.

– А почему я? – спросил я.

– Я покараулю.

– Я сам покараулю...

– У меня зрение лучше.

Это был тяжелый аргумент. Зрение у Шнобеля на самом деле было отменное. Я вздохнул и направился к машине.

«Хаммер» физрука стоял почти посередине лицейского двора, возле флагштока. Вокруг было простреливаемое пространство, но я не особо опасался, шагал открыто, даже не пригибаясь. Это потому, что, кроме новенькой, в Лицее должны были находиться всего два человека, да и то с другой стороны здания, не здесь. Владелец «Хаммера» физкультурник Аверьян Анатольевич Цикада, сокращенно Автол. И сторож Киллиан, настоящее имя которого было неизвестно. А Киллианом его прозвали за то, что однажды по приказу завуча он взялся расстреливать из пневматической винтовки наледь, а застрелил гуляющую по водостоку кошку. Чем навсегда вошел в историю Лицея. Правда, некоторое время его называли Кошачьей Смертью, но это было громоздко, Киллиан и короче и оригинальней.

Лампы в кабинете химии бросали на асфальт оранжевые прямоугольники, совсем как у поэта Маяковского в единственном его стихотворении, которое я осилил прочтением. Новенькая уныло водила шваброй туда и сюда, на улицу даже не смотрела, хорошо, стало быть, была подготовлена по физике. Впрочем, мне ее тоже было плохо видно. Дурочка какая-то, наверное.

Я без затруднений добрался до широкой кормы американской танкомшины, обошел вокруг, остановился возле места водителя. Пощупал хромированную сталь зеркала.

Неожиданно подбежал Шнобель.

– Ты чего не следишь? – спросил я.

– А, – отмахнулся Шнобель, – все равно Автол не придет...

– А если придет?

– Этот придурок на туфлях такие подковы таскает, что его за два километра слышно. Хватит болтать, давай, за дело...

– Не закрыто... – Я заглянул внутрь машины.

– А чего ему закрывать, – прошептал Шнобель. – В нашем родном Мухосранске «Хаммер» только у него, кто ж угонять будет, придурков нет...

– Растет благосостояние простых российских физкультурников, – сказал я. – Может, шины ему пропороть?

– Это уже серьезно, – не согласился Шнобель. – Будем делать, как планировали. Готов?

– Ну.

– Лей. – Шнобель воровато оглядывался.

Я скрутил крышку с канистры и принялся поливать сидение густой темной жидкостью.

– Осторожнее, – посоветовал Шнобель. – Опасная штука...

– Из чего намешал?

– Секрет фирмы, – ответил Шнобель.

Он сунул руку в карман, достал именную фляжку, взболтнул, отхлебнул какао.

Я позавидовал Шнобелю – сейчас бы тоже не отказался от какао. Но просить фляжку не хотелось, Шнобель имел обыкновение облизывать горлышко всякий раз после припадания к шоколадному источнику, а я был не то чтобы брезглив, но все же...

– Секрет. – Шнобель вытер губы рукавом. – Мед, суперклей, масло и мегадобавка. Продерет до костей! Две недели этот гад в школе не появится, могу гарантировать. А если его не будет, будет Филя. А Филя добрый, зачеты всем поставит. Так что все окажется нормалек, лей давай. Будь беспощаден.

Я беспощадно вытряхнул остатки жидкости на сиденье «Хаммера».

– Уходим, – сказал я. – Скоро Автол появится, а нам надо еще в «Бериозку» успеть, для алиби...

– Лучше бы посмотреть, как все сработает...

– Послушаем с той стороны. – Я направился к бетонным плитам забора. – Так безопаснее будет...

Вдруг в кабинете химии погас свет.

Темнота. Резкий переход, зеленые круги в глазах.

– Бежим! – ойкнул Шнобель, дернулся, рванул к забору.

Я на секунду удержался, затем тоже поддался панике, кинулся за ним. Мы лихо перелетели ограждение, свалились в кусты и притихли. Шнобель довольно улыбался. Типа, напугал мя.

Ждать пришлось недолго. Скоро со стороны служебного входа послышались, как говорится, шаги. Шнобель ткнул меня в бок. Я кивнул. Подумал только, что Шнобель, как всегда, нагнал – шаги Автола слышно было, но никакого цоканья копыт, то бишь подков. Если Автол подгреб бы минут на пятнадцать раньше, то легко застучал бы нас возле своего вездехода.

Шаги прошаркали мимо, остановились возле «Хаммера». Хлопнула дверь.

Через секунду вечерние сумерки были пронзены воплем. Мне даже почудилось, что в Лицее дрогнули стекла. В лесу запищали испугавшиеся птицы – то ли семейство иволог, то ли одинокие козодои.

Шнобель в восхищенье подпрыгивал на месте и бешено показывал мне большие пальцы. Радовался.

Вопль не замедлил повториться. И в этот раз он был протяжнее и безнадежнее, в вопле звучала агония, в вопле звучала тоска, будто лось одинокий помирал. Потом вдоль забора снова протопали шаги, только теперь уже в обратном направлении.

Шаги сопровождались стонами и слабым ревом.

– Получилось! – радостно прошептал Шнобель. – Теперь этот гад недели три не покажется, не меньше!

– С ним ничего не это... не будет? – спросил я.

– Ничего. Сидеть не сможет, это точно. Ну и по мелочи там. Кожу, может, там пересадят... Это шутка, можешь на меня так не смотреть. Где велики-то, в какую сторону?

– А ты на покете своем посмотри, – посоветовал я.

– Точно ведь. – Шнобель сунул руку в карман. – Сейчас...

Лицо у Шнобеля вдруг как-то поползло в сторону, я даже испугался. Испугался, что Автол каким-то зверским усилием нечеловеческой сущности физкультурника перенесся через забор и теперь стоит за нашими спинами.

С линейкой из кабинета черчения. Со струбциной из кабинета труда. С динамометром из физического кабинета и с горелкой из химического.

Я резко оглянулся, но Автола не обнаружил.

– Фляжка!!! – прошептал Шнобель. – Я ее обронил...

– Где?

– Там. – Шнобель указал в сторону забора.

– Баран, – сказал я. – Баран ты, Носов. У тебя на фляжке...

– Фамилия. И имя...

– Полевай давай быстро, – я кивнул в сторону забора, – пока Автол с милицией не при-мчался. Тогда тебе даже побег в Казахстан не поможет...

– Я...

– Давай скорее, зобух. – Я начинал злиться. – Ты со своей фляжкой так нас подставишь...

– Я это... – Шнобель забегал глазами. – Ну...

И тут я понял, что Шнобель испугался.

– Я... – Шнобель оглядывался, – я не могу...

– Нос, я что-то не понял. Это ты всю эту байдю придумал, теперь полевай!

– Не могу, – помотал головой Шнобель. – Не могу, Кокос, честно...

– И что нам делать теперь?! Автол найдет твою вонючую флягу – и тогда он нас не только из Лицея вышвырнет, он нас зароет!!! В сыру землю! Ты понимаешь?!

– Понимаю, Кокос, понимаю... Но не могу... Не могу... Кокос, давай ты...

– Ты чего?! – удивился я. – Ты, значит, облажался, а я должен рисковать...

– Я бабла отсыплю, – пообещал Шнобель.

– Я сам тебе бабла отсыплю, дятел! А ну давай...

– Кокосов! Я тебя прошу!

Шнобель почти что всхлипнул.

Я быстро подумал.

Шнобель обделался, это ясно. Если полезет, может все завалить. Если полезу я, шансов уйти спокойно гораздо больше. А Шнобель будет мне должен. А это очень хорошо, когда тебе кто-то должен. Особенно Шнобель.

– Ладно, Нос, – сказал я. – Я сгоняю. Только учти...

– Учту все на три года вперед, – пообещал Шнобель.

– Ты мне должен всего.

– Не боись, не вмаринуюсь, – заверил Шнобель.

Я влез на забор и произвел рекогносцировку. Никого видно не было. Тишина. Спрыгнул на асфальт и подбежал к «Хаммеру».

Дверь вездехода была открыта, на асфальт стекало изготовленное Шнобелем вещество. Я опустился на колени и стал искать фляжку. Было уже совершенно темно, и искать приходилось на ощупь, пальцами по асфальту.

Фляжки не было.

Я уже было испугался, что Автол нашел фляжку и прихватил ее в качестве улики, но тут шнобелевская посуда обнаружилась под правым задним колесом машины – Автол успел снять свой танк с тормоза, он немножечко сдвинулся и придавил жестянку. Я принялся ее выковыривать, но очень быстро обнаружил, что вещичка застряла плотно и извлечь ее нельзя. Я вспотел, как двадцать тысяч негров. Выпрямился, забежал за корму «Хаммера» и попытался джип сдвинуть. Бесполезно, могущества не хватало. Я испугался посильней.

С другой стороны здания послышался очередной крик. В нечеловечной тональности. Я вздрогнул и решил спрятаться за автомобилем. И тут же наткнулся на нее.

Девчонка.

Передо мной стояла девчонка. Новенькая. Я ее не видел, но сразу понял, что это новенькая. От нее пахло шампунем и нашатырем, она стояла, засунув руки в рукава, смотрела в асфальт.

Я наткнулся на нее, из-под ее куртки вывалилась связка разнокалиберных ключей. Длинные, короткие, всякие.

Ну да, куртка из толстой красно-черной кожи. Дурацкая, это Шнобель верно сказал. На плече номер «77», на спине надпись «D. Racing», я тогда еще подумал, что вряд ли девчонка занимается гонками на драгстерах...

Номер «77» и «D. Racing» светились зеленоватым. Волосы неопределенного цвета, какие-то пегие перья.

Фиолетовые солнцезащитные очки, хотя вроде бы вечер. Очки нацепила. Ночью в очках ходят одни... Лицо...

Я тупо улыбнулся и сказал:

– Я это... Тут хожу...

Со стороны парадного входа провопили еще. Новенькая поглядела в сторону вопля.

– У меня тут... – пробормотал я. – Застряло, короче...

Надо было мне удивиться. Надо было мне поинтересоваться, что там случилось. Кто там так орет. Но я лопухнулся. Не знаю почему, но лопухнулся, обычно перед девчонками я крут, а тут чего-то не так...

Не знаю даже...

Я сказал:

– Это не я вообще-то... Я не хотел...

Новенькая слегка пожала плечами. Ничего. Не красивее Мамайкиной, конечно. Глаз не видно, это плохо.

И тут я лопухнулся еще больше.

– Никому не говори, а? – попросил я. – Пожалуйста...

Новенькая снова пожала плечами.

– Спасибо! – Я схватил ее за руку, пожал.

Ладонь у нее была сухая и теплая, и какая-то...

Не знаю...

Заглянул я этой зимой в живуголок, а там Верка Халиулина показывала первоклашкам шиншилл. Шиншиллы были похожи на белок и на кроликов одновременно, только серо-голубоватого цвета. Каждый первоклассник мог погладить шиншиллу или даже взять ее на руки. Мне тоже захотелось потрогать шиншиллу, я цапнул ее и почувствовал необыкновенную теплоту и даже какую-то радость. Потом Верка рыкнула, что хватит лапать, шерсть от этого скалывается, и шиншиллу отобрала. Но я еще долго чувствовал тепло, долго.

Сейчас было то же самое, не знаю...

– Он такой придурок... – сказал я и разжал ладонь.

Потом наклонился, поднял ключи и сунул ей в руку.

Новенькая развернулась и не спеша пошла к воротам. Я снова принялся выдирать фляжку из-под колеса, но фляжка держалась плотно. Тогда я сделал вот что.

Достал ножик и пропорол-таки шину. Прорезал в ней дыру. Воздух вышел, «Хаммер» просел, фляжка выскочила. Спрятал ее в карман и побежал к забору.

Правая рука у меня пылала, и уши, кажется, тоже.

Что за тупость – ходить ночью в очках?

Глава 3

Пески Гондураса

Было воскресенье, Мамайкина спросила:

– Лихорадка, значит? Субботний вечер, значит?

Я поморщился. Сегодня Мамайкина выглядела слишком гламурно. Даже для такой гламурщицы, какой была Мамайкина, она выглядела гламурно. Слишком много розового, через край. Собираясь в гости к приятелю, так гламурно не наряжаются.

Я сощурился и принялся подозревать.

В последнее время Мамайкина заглядывалась на Чепряткова, это мне не нравилось. Такой конкурент, как Чепрятков, мне был совсем не нужен, состязаться с Чепрятковым было трудно. Чепрятков был силен, не туп и изящно порочен. Ну его.

– Значит, вчера с Шнобелем оттопыривались? – Мамайкина повторила свой тупой и незамысловатый вопрос.

– Чего? – типа не понял я.

– Вчера весь вечер в «Бериозке» зависали, значит...

Мамайкина достала из-за спины рюкзачок, который изготовила своими руками из голубого плюшевого мишки. Вспорола ему живот, а в рану вшила замок-«молнию», добрая девочка.

Из рюкзачка был извлечен водный пистолет (я отметил, что пистолет тоже умудрялся выглядеть гламурно), Мамайкина поболтала пистолетом и принялась стрелять в меня газировкой.

– Получи, гад, получи! – Мамайкина расстреливала меня – так что через минуту я был перемазан в малиновом сиропе и изрядно огазировлен.

Хорошо, что заряд в пистолете быстро исчерпался и Мамайкина спрятала оружие обратно в мишку.

– Повеселились, гадики...

– Ну... – Я повинно развел руками. – Так, понимаешь, получилось. А откуда ты узнала?

– Твой друг-дебил Шнобель все раззвонил.

– Все? – напрягся я.

Испугался, что Шнобель по обыкновению разболтал о наших вчерашних приключениях своей Лазеровой. А Лазерова передала Мамайкиной. А Мамайкина...

Хочешь довести что-то до ушей всего Лицея – расскажи по секрету Мамайкиной.

– Лазерова сказала, что вы весь вечер оттопыривались по полной. Мог бы и меня пригласить, между прочим, я «Бериозку» люблю...

Я понял, что у Шнобеля все-таки хватило ума промолчать. Не все выложил. В этот раз.

– Понимаешь, – я сделал заговорщицкое лицо, – тут не все так просто...

Любопытная Мамайкина хотела было придвинуться ко мне на расстояние шепотовой слышимости, но не получилось – кресла были привинчены.

– Тут все не так просто, – повторил я. – Я знаю, ты пишешь книгу, тебе это может быть интересно...

Мамайкина оторопела. О перспективах написания книги она, видимо, пока еще не задумывалась.

Я продолжал:

– Понимаешь, Шнобель, он собирается...

– Бросить Лазерову! – с каким-то болезненным удовольствием сказала Мамайкина.

– Ну, как сказать...

– А может, она с другим лазает?!

Эта идея привела Мамайкину в зверский восторг, мозг снова включился, про книгу она позабыла. Воображение Мамайкиной заработало на шестой передаче, и она принялась лихо-радочно и вслух размышлять:

– Да, Лазерова болтается с другим... Не из нашего Лицея... Из химико-технологического... Он... он... Он негр!

Я был разочарован. Думал, что Мамайкина умеет выдумывать лучше. Не, так ей книгу не написать.

– Негр... – смаковала Мамайкина. – Камерунец... камерунский принц! Он весь в перьях и татуировках! И он ее хочет забрать в Африку! А Шнобель вызвал его на дуэль! На пистолетах...

– На эспадронах, – уточнил я как бы невзначай.

Я вспомнил вчерашнее поведение Шнобеля и решил ему немножко отомстить.

– На чем? – заинтересовалась Мамайкина.

– На эспадронах, – повторил я. – Это такие сабли тупые, на них всегда вызывают, если не до смерти хотят. Только смотри, это большой секрет!

– Ты же знаешь, я – могила Тамерлана! – заверила Мамайкина.

– Не сомневаюсь, – серьезно покивал я.

Любопытство было слабым местом Мамайкиной. А в остальном вообще Мамайкина была ничего, нормальная, я ее любил. В прошлом году заняла второе место на конкурсе «Мисс Лицей», в этом году посещала заочные интернет-курсы по подготовке в институт экономики и бизнеса и собиралась занять на конкурсе первое место. А в будущем вообще собиралась обучаться в Сорбонне на факультете свободных искусств.

На покорение сердца Мамайкиной у меня ушло три месяца и двенадцать килограммов настоящего, привезенного из Турции, рахат-лукума. Я ничуть не жалел затраченных средств, все затраченные средства окупилась сторицей. Я был доволен своим выбором и Мамайкину ценил. Не каждый, далеко не каждый человек в полном расцвете сил может похвастаться финалисткой конкурса «Мисс Лицей» в подругах.

Конечно, Мамайкина была затратным проектом. Помимо начальных двенадцати килограммов рахат-лукума, на поддержание отношений ежемесячно затрачивалось сумма, сопоставимая с затратами на содержание двух взрослых шиншилл Верки Халиулиной, я специально узнавал. Но эти затраты себя окупали. Вполне окупали. Даже Чепрятков и тот не имел такой подруги.

Нет, конечно, Шнобель лазил с Лазеровой, а она была на конкурсе № 1, но Лазерова – это совсем не то. Лазерову всерьез никто не воспринимал почему-то.

А Мамайкину воспринимали.

Хоть она и была изрядной душой. Впрочем, блондинка и должна быть душой, так во всех фильмах показывается и во всех книгах пишется. Когда я глядел на Мамайкину, у меня рождался слоган:

Любить дуру тяжело, но престижно.

А теперь, когда она собиралась написать книгу...

– Понимаешь, – я еще больше снизил градус шепота, – дело в том, что у Шнобеля проблемы...

– Какие? – жадно спросила Мамайкина.

– Серьезные, к сожалению, – сокрушенно покачал головой я. – Со здоровьем...

– Он что, чем-то заразился?! – Мамайкина округлила глаза.

– Да нет, это не заразно... Это нарушения обмена веществ. Экзема.

– Экзема?! – ужаснулась Мамайкина.

– Ну да, экзема. Только ты никому не говори...

– Ну, конечно! – Мамайкина схватила меня за руку. – Конечно, не скажу, как о таком можно хоть кому-то говорить...

Я порадовался. И подумал, что уже завтра об шнобелевской экземе будет известно всему Лицею. В то, что Лазерова зажигает с негром и едет замуж в Камерун, никто не поверит – слишком уж дичь, а вот про экзему Шнобеля поверят.

– Это излечимо, – закрепил я успех, – надо только мазью мазаться специальной. Из древесных лягушек.

– Да-да, конечно... – заерзала Мамайкина. Мамайкиной не терпелось уйти.

Секрет жег ее мозг, да, так бы сказал поэт.

– Ты спешишь?

– Мы вчера роли распределяли на летний вечер. – Мамайкина кивнула в сторону автомата. – Конечно, еще долго, но лучше раньше, чем потом. Я по этому поводу и зашла...

– Чего будешь? Кофе? Шоколад? Кофешоколад?

Мамайкина сурово боролась за стройность форм, и отказалась от всего.

– Каждый должен прийти в маскарадном костюме. Только в новом, в прошлогодних нельзя. Ты не против прийти в маскарадном костюме?

– Не против, – согласился я. – Только костюм я сам найду, а то вы какое-нибудь гестапо придумаете, буду как дурак выглядеть...

– Вот и отлично!

Пышущая тайной Мамайкина встала и направилась к выходу.

– Посидела бы еще, – предложил я. – А то забежала на минутку... Я диск купил: ночной Нью-Йорк, Новый Орлеан, попутешествуем...

– Я вообще забежала только про вечер поговорить. – Мамайкина поморщилась. – А вообще мне историю повторить надо, в понедельник контрольная, а ты же знаешь, я в истории не сильна. Лазерова ко мне должна прийти, вместе учить будем... Так что мне пора.

– Давай я тебя подвезу, – предложил я вдруг.

– На своей табуретке? – брезгливо поморщилась Мамайкина. – Нет уж...

– Это «Хонда», между прочим, – обиделся я, – не табуретка...

– Табуретка с мотором. Всю прическу на ней растреплю...

– А зачем тебе прическа? – настороженно спросил я.

– Глупый вопрос, девочкам такой не задают. Не надейся, на твоей мопедке я не поеду.

– Я бы тебе шлем дал с подогревом, – вздохнул я. – И куртку немецкого летчика. У ней на спине дырки от пуль...

– Лучшая куртка для девушки – это автомобиль, – задумчиво изрекла Мамайкина. – Лучший шлем – тоже автомобиль.

– Я медленно поеду, – сказал я. – Потихонечку, не растрясешь ты свою прическу, не боись.

Мамайкина скрючила морду.

– Да... – протянула она. – Да... Слышал, говорят, Чепряткову отец купил настоящий багги. Он всех катает по пляжу...

Я сломался. Я слаб, а Мамайкина «Вице-Мисс Лицей». Это железобетонный аргумент, человек не может сопротивляться «Мисс Лицей», даже вице. Мы отправились в гараж. По пути Мамайкина рассказывала мне о достоинствах чепрятковского багги, многие на нем катались и отзывались совершенно в восторженных выражениях.

Я молчал. Вспоминал, куда мать прячет ключи от своей малолитражки. Кажется, в банку с гвоздями. Или под канистры?

Оказалось, что в банку.

Я достал ключи, открыл дверцу. Из машины вывалился густой аромат духов и сандалового масла – в последнее время мать стала заядлой фэншуйсткой и обнаружила в себе склонность к тотальной гармонизации пространства, в том числе и автомобильного. Правда, меры в гармонизации не знала. Сама мать уже две недели пребывала на турецких курортах, а запах не выветрился.

Мамайкина брезгливо покривилась.

– Что-то не так? – спросил я.

– Поедем лучше на этом. – Мамайкина кивнула в сторону джипа старого. – На такой машинке только домохозяйки ездят.

– Это мамина машина, – сказал я. – Хорошая, американская. Мать на курорт поехала, машина ждет...

– Я вижу. Похожа на мыльницу... А это...

И Мамайкина любовно похлопала по крылу джипа.

– Настоящее тачило.

Во, крапива... Старый меня убьет. Протрет в протирочной машине, затем дистиллирует в перегонном кубе.

– Там надо тормозуху поменять, – робко отбивался я от королевы красоты. – Можем влететь...

– Понимаю, – кивнула Мамайкина. – Ноги до педалей не достают...

– Почему это не достают?! – покраснел я. – Достают. В прошлую субботу мы со старым ездили за вениками, так я до самой Отомицы вел...

– Ну, с папочкой любой может, – усмехнулась Мамайкина.

– При чем здесь папочка? Я и сам могу.

– Все так говорят.

Я думал. Думал, что делать.

– Холодно все-таки на улице, – поежилась Мамайкина. – Придется такси вызывать...

В моей голове в секунду пролетели все возможные последствия подобного шага, пролетели и выстроились в наглядную таблицу вероятностей.

Скандал.

Большой скандал.

Лишение карманных денег.

Лишение карманных денег на месяц.

Домашний арест.

Мамайкина достала телефон и принялась перебирать закладки.

Я быстро думал.

Мамайкина нашла номер, приложила к уху:

– Это такси? Мне, пожалуйста, машину...

– Хорошо, – кивнул я. – Поехали. Только давай поскорее, старый скоро вернется.

Мамайкина отменила вызов.

– А у тебя ключи-то хоть есть? – спросила она пренебрежительно.

Где хранятся джиперные ключи, я знал точно. В банке с болтами.

– А ты не боишься? – хмыкнула Мамайкина.

– Чего бояться-то?

– Ну, как чего? Папка по попке – а-та-та?

Мамайкина похлопала в ладоши. Коварная женщина, просто Кармен с сигаретной фабрики.

– Не боюсь, – сурово сказал я. – Все пучкомски.

Нет, я не был дурачком. И я прекрасно понимал, что Мамайкина разводит меня самым босяцким образом. Как последнего лошагера. Но поделаться ничего не мог. Откажись я, и через день весь Лицей будет знать, что я обделался и врезал заднего.

Испугался, что папка по попке а-та-та.

Если же я не откажусь, то уже завтра поднимусь на новую ступень уважения, поскольку в классе машиной управлял один лишь Чепрятков. Причем не только управлял, но и даже два раза врезался, один раз в столб, другой раз в тоже в столб. Промелькнула идея – если я тоже влечу в столб и разобью папашкин джип в крошку, то смогу обойти самого Чепряткова. Чепрятков будет повержен. Поэтому я вздохнул, пикнул сигнализацией, открыл замок и забрался на водительское сиденье.

– Залезай, – сказал я реальным голосом.

Мамайкина открыла дверцу и заняла место рядом со мной. Пристегнулась. Предусмотрительная.

– Ну что, поехали? – подмигнула она.

Я молча схватил ее за руку, рывком притянул.

Мы целовались, наверное, минуты четыре. Два раза стукнулись зубами, а потом Мамаихе целоваться надоело, и она кусанула меня за губу. Больно так кусанула, я даже ойкнул.

– Мы едем или нет? – капризно спросила она.

Я запустил двигатель. Дизель зафурчал. Люблю этот звук. Украдкой протер о штаны вспотевшие ладони, врубил передачу и осторожно вывел машину из гаража. Я действительно имел солидный опыт вождения. Две поездки со старым на рыбалку и несколько сотен часов на автосимуляторах за монитором. Я надеялся на этот свой опыт, а также надеялся на то, что район у нас спокойный и город спокойный, движение не интенсивное, а гаишники все работают на федеральной трассе в двадцати километрах отсюда, денюжку собирают.

– Музыка в этой телеге есть? – капризно спросила Мамайкина, но я отметил, что Мамайкина довольна.

Включил тюнер, нашел джазовую станцию.

– Поехали, Кокос, – сказала Мамайкина. – Ночь нежна, блинн...

Я вывел джип за забор, повернул направо, в сторону элитной Сосновки, места проживания семейства Мамайкиных.

Сначала я вел достаточно неуверенно, не вылезая за сорок километров. Мамайкина поглядывала на меня с иронией, и демонстративно пилила ногти. Однако постепенно я освоился, догнал стрелку до шестидесяти, вальяжно отвалился на кресле и даже иногда стал позволять себе рулить одной рукой. И теперь Мамайкина поглядывала на меня с уважением.

Мы выбрались из района коттеджей, переехали старую узкоколейку, затем я свернул на проселок.

– Ты куда? – спросила Мамайкина. – Дорога же там...

– Тут короче, – лениво ответил я.

Тут действительно было короче. Но не только. Дорога проходила вдоль речной заводи, возле которой постоянно собирались ребята из пригородов. Поудить бычков со спортивными целями, поболтать, поболтаться. А две недели назад я, вооружившись японским телескопом, пузырьком тыквенного масла, распаренной перловкой, живым мотылем и настоящими японскими крючками-заглотышами, изготовленными по аэрокосмической технологии, прибыл на заводь. Раньше, в начальной школе, я любил ловить рыбу. Не умел, но любил. Потом с этим лицом на рыбу времени уже не оставалось, а сейчас, по сверххранной весне, мне чего-то взгрустнулось, и я решил на минутку вернуться в детство.

Местная ребятня встретила меня тогда доброжелательно, я же отнесся к ребятам с самодельными удочками достаточно высокомерно. Пожлобствовал. Собирался показать класс спортивного ужения.

Однако уже через час я был посрамлен и раздавлен. Соседи весело таскали глупых бычков, наполняя ими бидоны и бутылки из-под воды, я же не поймал ничего. Не помогало ни тыквенное масло, ни перловка. Бычки меня игнорировали, я нервничал и скрипел зубами.

В конце концов старожилы пожалели неудачника с аэрокосмическими крючками и открыли ему секрет. Оказывается, бычки клевали на изюм. В результате рыболовы расстались друзьями, но я не забыл неприятного чувства и давно ждал возможности нанести ответный удар.

И вот это время пришло. Я срулил с проселка и повел машину к реке. Мамайкина поприхла и поглядывала теперь на меня не с презрением и не с уважением, а с некоторым испугом. Прикидывая, не похож ли я на маньяка? Потом не вытерпела и спросила:

– А чего мы там делать будем? На реке?

Я не ответил, решив отомстить Мамайкиной. Мамайкина смотрела по сторонам, потом достала телефон и стала проверять сеть. Сеть ушла. Мамайкина испугалась сильнее.

Мы выехали на берег заводи. В месте впадения заводи в реку сидели ребята с удочками, как всегда. Я подкатил к ним. Народ забыл про поплавки и уставился на машину. Я опустил стекло, высунул наружу локоть, затем высунулся наружу сам, втянул прохладный воздух, спросил лениво:

– Э, мужики, как клев?

Рыбаки не ответили. Я с тщеславным удовольствием отметил, что они меня узнали и легко шокированы, почувствовал себя слегка отомщенным.

– На что бычага идет? – снова спросил я. – Опять на изюм?

– На изюм... – ответили сразу несколько ребят.

– Ясно... – равнодушно протянул я. – Ну, бывайте, мужики. Через недельку забегу, лады?

– Лады... – ответили рыболовы.

Я поднял стекло, даванул по газу и повел джип обратно, через пятнадцать минут мы были возле дома Мамайкиной.

И там меня ожидал приятный сюрприз. На скамеечке в окружении гипсовых собак и гипсовых гномов с трубами сидела парочка. Шнобель и Лазерова. Парочка умильно облизывала сахарные петушки, что весьма меня удивило – такие петушки в последний раз я видел в городе Темрюке во время путешествия к Черному морю. Впрочем, Лазерова славилась своими кулинарными умениями, не исключено, что петушков она намастерила сама.

Мамайкина выбралась из машины, достала зеркальце и принялась прихорашиваться. Шнобеля и Лазерову она будто не замечала.

Я тоже выпрыгнул из машины, мрачно плюнул на вечнозеленый газон и так просто, безо всяких кочевряг, подошел к этим голубкам.

– Привет, – сказал я и уселся рядом на скамейку. – Леденцом угостите?

– Те чего, батрак машину наконец выдал? – спросил Шнобель с завистью.

– Не, – вяло поморщился я. – Просто... А вы тут давно гниете?

– Давно. – Лазерова с завистью разглядывала Мамайкину, до сих пор прихорашивавшуюся возле джипа. – А это правда машина твоего папы?

– Угу, – невнимательно кивнул я. – Леденец-то дайте...

Лазерова выдала мне леденец.

– Вкус детства, – сказал я и откусил у петушка голову.

Мамайкина перестала прихорашиваться и присоединилась к нашей компании.

– А мы тут прокатились, – зевнула она. – Как твое здоровье, Носов?

– Мое здоровье? – не понял Шнобель. – Так... голова чего-то болит...

– А, – сокрушенно кивнула Мамайкина, – понятно...

Мамайкина поглядела на сидящую возле Лазерову. Заметила ее.

– А это ты, Указка...

– Сколько раз просила! – надулась Лазерова. – Не называй меня Указкой!

Мамайкина хмыкнула. Лазерова поднялась со скамейки. В стоячем положении Лазерова выглядела гораздо эффектнее Мамайкиной. Во-первых, она была на полголовы выше Мамайкиной, во-вторых, она занималась художественной гимнастикой и являлась носителем внешности, по многим параметрам превосходящей внешность Мамайкиной.

И в-третьих, номером первым конкурса «Мисс Лицей» была именно Елена Лазерова, я уже говорил. И вообще, Лазерова – это Лазерова, будоражная особа.

– А чего на мопеде не прихрустели? – спросил Шнобель.

– На реку заезжали, – объяснил я. – На рыбаков глядели. Хочу на следующей неделе на бычка сходить...

– Ты что, рыбу, типа, ловишь? – удивился Шнобель.

– А ты что, не ловишь? – в ответ удивился я. – Это сейчас самый рулез. Сейчас все рыбу ловят...

– Слушай, возьми меня тоже, а? – стал просить Шнобель. – Я тоже хочу...

Занавеска на веранде сдвинулась, в окне показался силуэт. Папаша Мамайкиной, опознал меня. Если выйдет и будет докапываться – все. Позвонит моему.

Скандал.

Большой скандал.

Ну, и так далее.

– Ну так что, иван, возьмешь на рыбу? – снова спросил обожавший все рулезное Шнобель.

– Посмотрим, – задумчиво ответил я. – Вообще мне пора. Тебя подбросить?

– Подбрось. – Шнобель догрыз петушка, послал Лазеровой воздушный поцелуй и побежал к джипу.

Лазерова обиженно вернулась на скамейку. Мамайкина с интересом придвинулась к ней. Сейчас будет спрашивать про негра и Камерун.

– Ладно, девчонки, – сказал я. – Вы идите свою историю зубрить, а мы домой поедим. У нас дела еще...

– Какие это дела? – Мамайкина кокетливо взяла меня под руку.

– Мужские. – Я высвободился и с самоуважением пошагал к машине.

Забрался внутрь, запустил двигатель, подождал, пока Шнобель пристегнется, и не спеша откатил от дома.

– Ну, ты, Кокос, даешь! – восхитился Шнобель. – Не боишься, что батый почикает?

Я не ответил, прибавил скорости.

– Зря ты взял эту тачку, – сказал Шнобель. – Поцарапаешь, потом не отвертишься...

Шнобель принялся тыкать пальцем в панель музыкального центра, снова зазвучал джаз.

– Ненавижу джаз. – Шнобель зевнул. – Буржуазная зараза. Музыка недорезанных мулов...

Шнобель захихикал и принялся перебирать станции.

– И вообще, вредная музыка... – говорил Шнобель. – Есть одна жуткая история. Про то, как один юноша взял у своего отца машину, чтобы покататься. Поехал, затем решил послушать джаз и упал с моста... Ибо сказано – сегодня он играет джаз, а завтра сдристет в Гондурас... Эмиграция в Гондурас, об этом стоит подумать... Как прекрасны пески Гондураса...

Я треснул Шнобеля по руке. Шнобель подул на пальцы, протер их о куртку.

– Я поцарапал машину своего велосипедом, он рыдал как младенец... – сказал он. – А потом он порвал все мои журналы, такое скотство... С другой стороны, у этой машины очень хорошая система безопасности...

– Может, квакать перестанешь?! – злобно спросил я.

Шнобель пожал плечами. Но было уже поздно. В зеркале заднего вида мелькнули синеголубые огни, раздался кричающий звук.

- Накаркал, скотина. – Я ткнул Шнобеля в плечо.
- Сам виноват, – огрызнулся Шнобель. – Теперь башку точно оторвут...
- Не оторвут, – сказал я и прибавил скорости.
- Ты что? – испугался Шнобель.
- Ничего. Покатаемся просто.

Шнобель нервно оглянулся. Мигалки не отставали.

- Настырный попался, – сказал я и прибавил еще скорости.
- Брось, Кокос, не дури, – испугался Шнобель. – Не будем гоняться...

Я не ответил.

- Это уже серьезно, – сказал Шнобель. – Они могут начать стрелять!
- Я сброшу его в канаву, у меня тачка в два раза тяжелее...
- Не дури, Кокос! – крикнул Шнобель. – Тогда уж точно вилы...
- Ты же сам говорил, тут прекрасные подушки безопасности...

Шнобель побледнел. Достал телефон.

- Я позвоню своему отцу, – сказал он. – Он приедет...
- Ты ремень пристегнул?
- Не надо! – завопил Шнобель.

Я резко снизил скорость и стал принимать вправо, но машина дорожного патруля пролетела мимо. По своим делам.

– Везунчик, – сказал Шнобель. – Мне бы так, иван. Кстати, я тут кое-что узнал про новенькую... Выдающаяся личность, честное слово!

- И что?
- Как это что? Ты должен ее обаять в кратчайшие сроки!
- Зачем?
- Чтобы она не стукнула! Это же классика!
- Да она и так не стукнет, – сказал я. – Мне показалось, она не из стукливых...
- Стукнет, не стукнет, а подстраховаться надо, в таких делах нечего рисковать. Так что давай, действуй, обаяй! У нее, кстати, имя по твоей части. Аэрокосмическое. Ее зовут Лара, кстати.

– Как?

– Лара. Лариса. Если на наш язык переводить, то Чайка. Красивое имя. Летчицкое.

Шнобель облизнулся.

– Да и сама она ничего. Такая... Слушай, Кокос, бросай эту дуру Мамайкину...

Оставшиеся три километра Шнобель учил меня жизни. Надо бросить морально устаревшую и умственно непродвинутую Мамайкину и плотно заниматься загадочной Ларой. Что такое Мамайкина? Пошлая красавица второго ряда...

– Но-но, – предупредил я, – не перегибай палку, Мамайкина все-таки моя герлфренд, я ее люблю до гроба.

- Иван! Да ты человек эпохи Ренессанса! Ты хочешь вступиться за честь своей дамы?
- А как у нее фамилия? – спросил я.
- Мамайкина. У нее фамилия Мамайкина...
- Да при чем тут Мамайкина?! У нее какая фамилия?
- Да при чем тут фамилия? Фамилию она возьмет твою...

Ну, и так далее.

Глава 4

Отсутствие разменной монеты

– ...не может больше продолжаться! – услышал я и остановился.

Дверь в кабинет Зучихи была приоткрыта. Через щель была видна невеселая спина новенькой.

«77» и «D. Racing».

Новенькая стояла, понуро ссутулившись, смотрела в окно, изучала повадки жирующих на подоконнике воробьев. Глаз из-под фиолетовых очков не было видно, но мне показалось, что она смотрит все-таки на воробьев. Я прижался к стене и сдвинулся поближе к дверной щели. Интерес пробил.

– Понимаешь, – педагогическим голосом говорила Зучиха, – понимаешь, мы не можем освободить тебя от физкультуры только потому, что тебе не хочется ее посещать. У нас Лицей, у нас всестороннее образование. Факультативы по этикету, факультативы по бальным танцам, факультатив по веб-дизайну. Это же очень интересно! Скоро ознакомительный визит в манеж...

Зучиха сидела за своим широким рабочим столом. Прямо перед ней располагался раскрытый ноутбук. Иногда она водила мышкой, озабоченно смотрела в экран и хмурила брови. Ходили упорные слухи, что Зучиха прямо во время рабочего дня совершает сделки на электронном валютном рынке и имеет с этого ежедневно чуть ли не тысячу долларов чистой прибыли. Но я знал, что это не так. Ничем она не торговала. Она вообще не умела пользоваться компьютером. Однажды я переносил в ее кабинет Большую российскую энциклопедию из библиотеки, а самой гауляйтерши на месте не было. А ноутбук был. Я сгрузил энциклопедию в угол и быстренько заглянул в комп. Ноутбук не работал. И еще из-под него виднелась бумажка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.